

М. В. Михайлова

Волжская природа и "волжский мир" в произведениях Е. Н. Чирикова

Публикуется с разрешения автора

Ранняя публикация здесь: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37266.php>.

Многое изменилось в наших представлениях о литературе рубежа XIX и XX веков за последнее десятилетие. Вернулись из небытия имена писателей, ранее замалчиваемые в силу идеологических соображений или из-за принадлежности этих художников к авангардным течениям. Но одновременно произошли и нечто, что настораживает: в тени оказались отодвинуты писатели-реалисты, их творчество как бы негласно стало считаться не имеющим высокой эстетической ценности. Конечно, такой удел постиг далеко не всех. Никто не покушается на авторитет остались А.Чехова, И.Бунина, М.Пришвина. Что же касается некоторых других, рангом, что называется, поменьше, то их творчество с каждым годом вызывает все меньший интерес, и сегодня уже не встретишь литературоведческих исследований о произведениях К.Тренева, А.Серафимовича, А.Чапыгина и др.

Еще более неудачно сложилась судьба Евгения Николаевича Чирикова (1864-1932). Из-за его эмиграции он смог быть литературно реабилитирован только в годы "оттепели". В 1961 году вышел его единственный за советское время сборник прозы. А в постсоветское время о нем попросту забыли. Только в журнале "Лепта" удалось напечатать его прелестную сказку "Белая роза" и замечательную повесть о псе по кличке Верный "Моя жизнь"[1].

А между тем это своеобразный писатель, отмеченный несомненной творческой индивидуальностью, дореволюционное и эмигрантское наследие которого включает в себя много того, что может быть интересно и нашему современнику. Им написаны обширное автобиографическое повествование "Жизнь Тарханова" (состоящее из четырех книг), хроникальный эпос Гражданской войны "Зверь из бездны", яркие публицистические произведения. Но несомненно особый интерес представляют его рассказы для детей и произведения "животного эпоса", которые могут составить конкуренцию рассказам о животных выдающихся представителей русской литературы рубежа веков, а также замечательные обработки сказаний и легенд, что подтверждает наблюдение М.Цветаевой о "ненасытности" "старика Чирикова" (она узнала его уже в эмиграции, когда писателю было около семидесяти лет. - М.М.) в его "любовном любопытстве к жизни".[2] И, возможно, "прививку" этого неумного любопытства ко всему живому даровало ему детство, проведенное на Волге, где он родился в Казани и прожил все юношеские годы.

Его первые пробы пера относятся ко времени пребывания в пятом классе гимназии, когда Чириков начал буквально воспевать на все лады - в стихах и прозе - родную Волгу. И его литературный дебют в 1886 году осуществился на страницах волжского издания - в газете "Волжский вестник". И Волга так и осталась на всю жизнь его величайшей привязанностью, его любимицей. Жена Чирикова, драматическая актриса В.Иолшина вспоминала, что больше всего он любил проводить летние месяцы на этой и летними впечатлениями жил еще долгое время спустя. Они проникали и в его романтическую прозу, и в его сказочные произведения. Причем граница между ними неотчетлива. И он может, например, в детской фантазии "В царстве сказок", чтобы поразить воображение ребенка, нарисовать яркие цветные тени от туч, которые на траве кажутся то синими, как небо, то красными, как малина, то желтыми, как лимон. Но и в лирическом рассказе он также свободно создает феерию красок: "Солнышко только что выкатилось из-за леса и ярким светом облило зеленую котловину, вершины нагорных сосен вспыхнули зеленым блеском, а желтые стволы засверкали золотом, росистые луга сделались изумрудными".[3]

Но, конечно, не следует думать, что писатель однообразен в выборе освещения или цветовой гаммы. В его творческом наследии встречаются самые разнообразные пейзажные зарисовки.

Но нередко писателю требуются пастельные, жемчужные тона для создания соответствующего настроения. И тогда волжская природа предстает совсем иной. Таинственна и прекрасна река ночью: "Волга, облитая голубоватым блеском лунного света, словно задремала, околдованная чарами неясных весенних грез, и тихо, ласково и любовно гладила своими струями и крутой берег, и высокие борта стоявшей на якоре баржи. Луна блистала ярко в вышине над лесом Жигулевских гор, серебрила листву молодой зелени на вершинах, но словно боялась заглянуть вниз под кручу громоздившихся гор, туда, где висели густые сумерки, где длинные несуразные тени легли на воду и спрятали прижавшуюся к берегам баржу. Там, дальше, серебрилась переброшенная луною через реку искристая дорожка, а здесь было темно-темно, и лишь яркие звезды, меланхолически смотревшие с голубых небес на землю, еще ярче отражались в затененной горами речной поверхности и дрожали вокруг баржи синими огнями, гасли и